

Александр Куприн

Ольга Сур

Александр Иванович Куприн
Ольга Сур
Серия «О цирке», книга 6

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172690

Содержание

4

Ольга Сур

Эту цирковую историю рассказал мне давным-давно, еще до революции и войны, мой добрый приятель, славный клоун Танти Джеретти.

Я передаю ее, как могу и умею; конечно, мне теперь уже не воскресить ни забавной прелести русско-итальянской речи моего покойного друга, ни специальных цирковых технических словечек, этого спокойного, неторопливого тона...

Вы, конечно, знали, синьор Алессандро, цирк папаши Сура? Это был очень известный в России цирк. Сначала он долго ездил из города в город, разбивая свое полотняное «шапито» на базарных площадях, но потом прочно укрепился в Киеве, на Васильевской улице, в постоянном деревянном здании. Тогда еще Крутиков не строил большого каменного цирка, а имел собственный частный манеж, где и показывал знакомым своих прекрасно выезженных лошадей, всех на подбор масти «изабелла», цвета светлого кофе с молоком, а хвосты и гривы серебряные.

Старик Сур знал свое дело отлично, и рука у него была счастливая: оттого-то и цирк у него всегда бывал полон и артистов он умел ангажировать первоклассных. Достаточ-

но вспомнить Марию Годфруа, Джемса Кука, Антонио Фосса, обоих Дуровых и прочих. Да и все семейство Сур было очень талантливо. Ольга – грациозная наездница, Марта – высшая школа езды, младший сын Рудольф прекрасно работал «малабриста», то есть жонглировал, стоя на галопирующей лошади, всевозможными предметами, вплоть до горящих ламп. Старший сын Альберт занимался исключительно дрессировкой лошадей. Раньше он неподражаемо работал «жокея»; иные знатоки ставили его рядом с самим Куком. Но случилось несчастье, неловкий каскад с лошади за барьер, и Альберт сломал ногу. Конечно, это беда небольшая: нужно было бы только, чтобы его лечили свои, цирковые, по старым нашим тысячелетним способам. Но мамаша Сур оказалась женщина с предрассудками: она обратилась к какому-то известному городскому врачу, ну и понятно: нога срослась неправильно, Альберт остался на всю жизнь хромым. Но, подумайте, пожалуйста, синьор Алессандро: если великий живописец ослеп, если великий компонист оглох, если великий певец потерял голос, – разве они для самих себя, внутри, не остались великими артистами? Так и Альберт Сур. Пусть он хропал, но он был настоящей душой цирка. Когда на репетициях или на представлении он, прихрамывая, ходил с шамбарьером в центре манежа, то и артисты и лошади чувствовали, как легко работать, если темп находится в твердой руке Альберта. Он одним быстрым взглядом замечал, что проволока натянута косо, что трапеция подвешена криво. И, кро-

ме того, он так великолепно ставил большие пантомимы, как уже теперь никому не поставить. Впрочем, выходит теперь из моды прекрасное зрелище – пантомима.

У него был ангельский характер. Его все любили в цирке: лошади, артисты, конюхи, ламповщики и все цирковые животные. Он был всегда верным товарищем, добрым помощником, и как часто заступался он за маленьких людей перед папашей Суром, который, надо сказать, был старик скуповатый и прижимистый. Все это я так подробно рассказываю потому, что дальше расскажу о том, как я однажды решил зарезать Альберта перочинным ножом...

Если Альберт считался сердцем цирка, то, по совести, его главной красой и очарованием была младшая сестра Ольга. Старшая – Марта – была, пожалуй, красивее – высокая, стройная, божественно сложенная и первоклассная артистка. Но от работы ее веяло холодом и математикой, а поклонников своих она держала на расстоянии девятнадцати шагов, на длину манежного диаметра: так она была суха, горда, величественна и неразговорчива. Ольга же вся, от волос, цвета лесного ореха, до носочка манежной туфельки, была сама прелесть. Впрочем, вы видели Ольгу, а кто ее видел, тот, наверное, никогда не позабудет ее нежного лица, ее ласкового взгляда, ее веселой невинной улыбки и милой грации всех ее движений. Мы же, цирковые, знали и о ее природной простодушной доброте.

Что же удивительного в том, что в Ольгу были влюблены

мы все поголовно, в том числе и я, тогда тринадцатилетний мальчишка, работавший на пяти инструментах в семье музыкальных клоунов Джеретти.

Я хорошо помню это утро. В пустом цирке было полутемно. Свет падал только сверху из стеклянного купола. Ольга в простой камлотовой юбочке, в серых чулочках репетировала с Альбертом. Мы, шестеро Джеретти, сидели, дожидаясь своей очереди, в первом ряду партера.

Ольге все не задавался один номер. Она должна была, стоя на панно, сделать подряд два пируэта, а затем прыжок в обруч. Всего четыре темпа короткого лошадиного галопа: пируэт, пируэт, выдержка, прыжок. Но вот бывают же такие несчастные дни, когда самая пустячная работа не ладится и не ладится. Ольге никак не удавалось найти темп для прыжка, все она собиралась сделать его то немножко раньше, то немножко позже, а ведь скок лошади – это непреложный закон. И вот только она соберет свое тело для прыжка и даже согнет ноги в коленях, как чувствует, что не то, не выходит, и делает рукою знак шталмейстеру: отведи обруч!

И так несколько кругов. Альберт не волнуется и не сердится. Он знает, что оставить номер недоделанным никак нельзя. Это тоже закон цирка: в следующий раз будет вдвое труднее сделать. Альберт только звончее щелкает шамбарьерным бичом и настойчивее посылает Ольгу отрывистым: «Allez!» – и еще и еще круг за кругом делает лошадь, а Ольга все больше теряет уверенность и спокойствие... Мне стано-

вится ее жалко до слез. Альберт кажется мне мучителем.

И вот один быстрый момент. Я слышу повелительное, толкающее, точно удар, *allez!* – и одновременно вижу, как тонкий конец шамбарьера обвился вокруг стройной Ольгиной икры и дернулся назад. Ольга громко и коротко закричала. Вот так: а!–и в ту же секунду легко прыгнула в обруч и опять стала на панно. Вот в этот-то момент я вытащил из кармана мой, только что купленный, ценою Бог знает каких свирепых сбережений, перочинный ножик. Но напрасно я старался открыть лезвие, обломав ноготь большого пальца в узкой выемке. Пружина была нова, еще не расходилась и упорно не хотела поддаваться моим усилиям. И, конечно, только эта заминка спасла жизнь милому, доброму Альберту Суру. Пока я возился с ножиком, за это время моя тринадцатилетняя итальянская кровь перестала бурлить и клокотать. Ко мне вернулось сознание. Ведь надо сказать, что вкус, цвет и запах таких тонких блюд, как шамбарьер или рейтпейч, мне уже были знакомы с самых ранних детских дней. Но напрасно в публике и в цирковых романах ходит ошибочное мнение, что у нас будто бы учителя истязают учеников. Ведь для мальчишек нет более соблазнительного занятия, чем прыгать, скакать, кувыркаться, бороться и вообще побеждать закон притяжения. Однако в цирковых номерах бывает порою и жутковато и страшновато. Надо сделать то-то или то-то. Момент нерешимости, колебания... и вдруг тебя ожгло по задушке... Боль моментально заглушает трусость. Остается только при-

казание и желание ему повиноваться. Номер сделан так легко, точно ты раскусил орех. А учитель гладит всей пятерней твое мокрое лицо и говорит сразу на трех языках: – Bravo, schon, bambino! ¹

Всю эту науку я, конечно, знал в совершенстве, но поставьте и себя на мое место: обожаемую, недостижимую богиню – вдруг хлыстом по ноге? Чье юное сердце это вытерпит? Лучше уж хлестни лишний раз меня!

А Ольга между тем делала круг за кругом, пируэт за пируэтом, прыжок за прыжком, все свободнее, легче и веселее, и теперь ее быстрые, точно птичьи, крики: «А!» – звучали радостно. Я был в восторге. Я не утерпел и стал аплодировать. Но Альберт, чуть-чуть скосив на меня глаза, показал мне издали хлыст. На репетициях полагается присутствующим молчание. Хлопать в ладоши – обязанность публики.

Потом Альберт скомандовал:

– Баста!

Большая белая, в гречке, лошадь первая схватила приказание и перешла в ленивый казенный шаг. Ольга вся в поту села боком на панно, свесив свои волшебные ножки.

Альберт, быстро ковыляя, подошел к ней, взял ее обеими руками за талию и легко, как пушинку, поставил ее на тырсу манежа. А она, смеясь и радуясь, взяла его руку и поцеловала. Это – благодарность ученицы учителю.

Я уже рассказывал, синьор Алессандро, о том, какая заме-

¹ Bravo, прекрасно, мальчик! (франц., нем., итал.)

чательная артистка Ольга Сур. Но у меня не хватило бы сил описать, как она была мила, добра и прекрасна. Теперь-то я понимаю, что в нее были влюблены все: и весь состав цирка, и все его посетители, и весь город Киев, – словом, все, все, не исключая и меня, тринадцатилетнего поросенка. Однако влюбленность такого мальчишки ничего в себе дурного не таит. Так любит брат старшую сестру, сын молодую и красивую мать, ученик самого мелкого класса ученика выпускного класса, который безбоязненно курит и щиплет на верхней губе вырастающий пух первого уса.

Но как же я мог догадаться, что в Ольгу влюблен – и влюблен навеки – м-сье Пьер, незаметный артист из униформы. В цирковом порядке он был почти ничто. Им, например, затыкали конец вечера: оркестр играет галоп в бешеном темпе, а артист вольтижирует. Но вы понимаете сами: последний номер, публика уже встает, надевает шубы и шляпы, торопится выйти до толкотни... Где же ей глядеть на заключительный вольтиж? Мы-то, цирковые, понимали, как отчетлива и смела была работа Пьера, но, извините, публика никогда и ничего не понимает в нашем искусстве.

Также иногда в понедельник, в среду или в пятницу, в так называемые «пустые» дни, выпускали Пьера работать на туго натянутом корабельном канате; старый номер, никого не удивляющий даже в Италии, в этой родине цирка, где цирковую работу любят и понимают. Но мы, цирковые, стоя за униформой, этого номера никогда не пропускали. Десять саль-

то-мортале на канате с балансиром в руках – это не шутка. Этого, пожалуй, кроме Пьера, никто бы не мог сделать в мире.

Устраивался иногда в цирке, чаще всего в рождественские и масленичные дни, так, для потехи градена, общий конкурс прыганья. Принимали и нем участие почти все артисты: униформы, клоуны и шталмейстеры – все, кто умел крутить в воздухе сальто-мортале. Укреплялась на высоте второго яруса, около входа, гибкая длинная доска в виде трамплина, а на середине манежа постилался большой матрас. Вот мы и прыгали все по очереди, а с каждым туром матрас отодвигался все дальше от трамплина, и с каждым разом выходили из игры один за другим соперники, у которых не хватало мужества или просто мускулов. Так представьте себе: Пьер всегда побеждал и оставался один для последнего прыжка, который он делал чуть не во всю длину манежного диаметра!

Теперь вы видите, что был он артистом первоклассным, а для цирка очень ценным и полезным. Однако судьба осудила его на полную безвестность. Ведь слава часто приходит не от труда, а от счастливого случая. Прибавлю еще, что Пьер был очень добр, скромен, услужлив и всегда весел. Его в цирке любили, но как-то всегда затирали на третье место.

Повторяю, был я тогда совсем желторотый птенец. Мне и в голову не могло прийти, что этот бесцветный старый Пьер (ему тогда было лет тридцать, но, по моему клопиному масштабу, он казался мне чрезвычайно пожилым), что наш неза-

метный Пьер смеет любить, да еще кого, саму Ольгу Сур, первую артистку цирка, мировую знаменитость, дочь грозного и всесильного директора, страшнее и богаче которого не было никого на свете. Я только с удивлением заметил его восторженные взгляды, когда он устремлял их на Ольгу во время репетиций и спектаклей.

Но наши, цирковые, давно уже поняли Пьерову болезнь. Случалось, что они добродушно подтрунивали над Пьером. Острили, что после вечера, на котором Пьеру удавалось держать обруч для Ольги, или помочь ей вскочить на панно, или подать ей руку, когда она, убегая по окончании номера с манежа, перепрыгивала через воображаемый барьер, Пьер шел на другой день в костел и там, полный благодарности, распластывался крестом перед статуей мадонны. Тогда мне Пьер был смешон и жалок. Теперь-то, в моем очень зрелом возрасте, я понимаю, что Пьер был бесконечно смелым человеком. Однажды утром, во время репетиции, он наскоро перекрестился да взял и пошел к самому Суру в его директорский кабинет: «Господин директор, я имею честь просить у вас руку и сердце вашей младшей дочери, мадемуазель Ольги».

Старый Сур от великого изумления выронил одновременно и перо, которым только что подводил счета, и длинную вонючую австрийскую сигару, которую только что держал во рту. Он позвал свою старую жену и сказал:

– Послушай, Марихен, нет, ты послушай только, что гово-

рит этот молодой человек, м-сье Пьер... Повторите-ка, молодой человек, повторите.

Старый Сур говорил ничтожному Пьеру на «вы»! Это был зловещий признак. Никому во всей вселенной он не говорил „вы“, за исключением местного пристава. Душа у Пьера дрогнула, но все-таки, прижав руку к середине груди, он сказал негромко:

– Мадам Сур, я сейчас имел честь и счастье просить у господина директора руку и сердце вашей прекрасной...

Мамаша Сур мгновенно вскипела:

– Как он осмелился, этот нищий конюх? Выброси сию же минуту этого негодяя из труппы и из цирка, чтобы им и не пахло больше!

Но старый Сур одним коротким поднятием ладони заставил ее успокоиться:

– Штиль!

Мадам Сур сразу поняла, что директор намерен немного позабавиться, и замолчала.

Старый Сур, не торопясь, достал с пола свою черную сигару и старательно вновь раскурил ее. Утопая в клубах крепкого дыма, начал он пробирать Пьера едкими, злыми словами. Так сытый и опытный кот подолгу играет с мышью, полумертвой от ужаса.

Как это Пьер мог додуматься до идеи жениться на дочери директора одного из первоклассных цирков? Или он не понимает, что расстояние от него до семьи Суоров будет по-

больше, чем от земли до неба? Или, может быть, Пьер замаскированный барон, граф или принц, у которого есть свои замки? Или он переодетый Гагенбек? Или у него в Америке есть свой собственный цирк, вместимостью в двадцать тысяч человек, но только мы все об этом раньше не знали?

А впрочем, не свихнулись ли у Пьера набок мозги при неудачном падении и не надлежит ли ему обратиться к психиатру? Только сумасшедший человек или круглый идиот может забыть до такой степени свое ничтожное место. Кто он? Безымянный служитель из униформы, которого обязанность подметать манеж и убирать за лошадьми их кротт. Действительно, вот приходит молодой человек, у которого в одном кармане дыра, а в другом фальшивый гривенник, и это вся стоимость молодого человека. Он приходит и говорит: господин Сур, я желаю жениться на вашей дочери, потому что я ее люблю, и потому что вы дадите за нею хорошенькое приданое, и потому что я благодаря жене займу в цирке выдающееся положение. Нечего сказать – блестящая афера. Не хватало бы еще того, чтобы старый Сур передал этому бланбеку главное управление цирком!

Так, очень долго, пивавил, язвил и терзал бедного Пьера раздраженный Сур. Наконец он сказал:

– Ну, я понимаю, если бы у тебя было громкое цирковое имя или если бы ты изобрел один из тех замечательных номеров, которые артисту дают сразу и славу и деньги. Но у тебя для этого слишком глупая голова. Поэтому – вон!

И это «вон!» старый Сур выкрикнул таким повелительным громким голосом, что рядом, в конюшне, лошади, услышав знакомый директорский окрик, испуганно заметались в стойлах и затопотали ногами.

Бедный Пьер с похолодевшим сердцем выскочил из директорского кабинета. Но тут в темноте циркового коридора нежная женская рука легла ласково на его руку.

– Я все слышала, – сказала ему на ухо Ольга. – Не отчаивайтесь, Пьер. Говорят, что любовь делает чудеса. Вот, назло папе, возьмите и выдумайте совсем новый номер, самый блестящий номер, и тогда с вами будут говорить иначе. Прощайте, Пьер.

После этого происшествия Пьер внезапно пропал из цирка. Никому из товарищей он не писал. Начали его понемногу забывать. Все реже и реже вспоминали его имя, но, надо сказать, каждый раз с теплотой.

А через год, в разгаре зимнего сезона, он опять приехал в Киев и предложил старому Суру ангажировать его на новый номер, который назывался довольно странно: «Легче воздуха». Только теперь он не звался бледным именем Пьера: его имя стало Никаноро Нанни, и оно красовалось на всех зарубежных афишах большими буквами и мелкой печатью в альбомах с иностранными газетными вырезками. Отзывы были так восторженны, что хитрый Сур не устоял: подписал контракт с Никаноро Нанни. Да как же было устоять, когда и в Италии, и в Испании, и в Вене, и в Берлине, и в Париже, и в

Лондоне известнейшие знатоки циркового дела писали, что такие цирковые номера появляются лишь раз в столетие и говорят об усердной, долгой, почти невозможной тренировке.

Мы видели результаты этой дьявольской работы на пробной репетиции. Необычайное зрелище! Сам старый Сур не удержался и сказал:

– Это чудо! Если бы не видел своими глазами – я никому бы не поверил.

А номер был, на неопытный взгляд, как будто простой. На высоте двух хороших человеческих ростов строилась неширокая площадка для разбега, она оканчивалась на середине манежа американским ясеновым трамплином, а на другой стороне манежа укреплялся обыкновенный бархатный тамбур такой величины, что можно было только поставить ноги, окончив прыжок. И что же делает Никаноро Нанни? Он берет в каждую из рук по двадцатипятифунтовой гире, затем он делает короткий, но быстрый разбег, отталкивается со страшной силой от трамплина и летит прямо на тамбур...

Но во время этого полета, в какой-то необходимый, но неуловимый момент, он бросает обе гири, и тут-то, преодолев закон тяжести, ставши внезапно легче на пятьдесят фунтов, он неожиданно взвивается кверху и потом уж кончает полет, упав на тамбур. И этот-то невообразимый полет, клянусь вам, синьор Алессандро, производил каждый раз на нас, всего навидавшихся в цирке, ощущение какой-то внезапной

светлой радости. Такое же чувство я испытал гораздо позже, когда увидел впервые, как полз, полз по земле аэроплан и вдруг отделился от нее и пошел вверх.

Да, мы многого ждали от этого номера, но мы просчитались, забыв о публике. На первом представлении публика хоть и не поняла ничего, но немного аплодировала, а уж на пятом – старый Сур прервал ангажемент согласно условиям контракта. Спустя много времени мы узнали, что и за границей бывало то же самое. Знатоки вопили от восторга. Публика оставалась холодна и скучна.

Так же, как и Пьер год назад, так же теперь Никаноро Нанни исчез бесследно и беззвучно из Киева, и больше о нем не было вестей.

А Ольга Сур вышла замуж за грека Лапиади, который был вовсе не королем железа, и не атлетом, и не борцом, а просто греческим арапом, наводившим марафет.